

А. В. КУРЬЯНОВИЧ

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

История повседневности — относительно молодое направление на Западе, имеющее собственное положение и более или менее фиксированный круг познавательных проблем. В большей степени ее становление является результатом процесса радикального усложнения предмета исследования и внутренней дифференциации исторической науки. Инновации истории повседневности, однако, будут иметь свою научную значимость только при наличии соответствующих источников, эвристическая роль которых еще далеко не изучена.

В советской исторической науке сформировалось источниковедческое сознание как «совокупность бытийно-присущих той или иной историографической ситуации знаний, представлений об исторических источниках, путях их изучения, теоретико-методологических построений, методических схем, классификационных установок, явных и неявных форм канонов, невербализированного исследовательского опыта»¹. Основной упор делался на исследовании потенциала юридических норм вне анализа особенностей их реального применения и действия в конкретно-исторических условиях, путем «наложения сложного правового поля на весь комплекс факторов, объединенных понятием "социальная среда", и, безусловно, на ее действующее лицо — "рядового человека"»².

Не лучше обстояло дело и на Западе: по признанию германских ученых, имеются определенные трудности при изучении источников по истории повседневности³.

Современная мировая историческая наука осознает узость предмета исследования (государство, социальные структуры,

44

внешняя политика и др.) и недостаточность традиционных познавательных методов и процедур. Это вызвано тем, что, во-первых, источники многообразны не только по содержанию, но и по форме, и это многообразие органически предполагает их взаимодополняемость; во-вторых, все более проблематичным становится построение универсальной классификационной источниковой системы, поглощающей и нивелирующей в себе все многообразие источниковедческого знания (например, по типу советской), игнорирующей ценность исторических свидетельств именно в их индивидуальности, что общесистемные черты, им присущие, будут иметь научную значимость лишь в том случае, если не будут «подавлять» уникальные особенности иных источников, а будут выступать средством выявления атрибутивных свойств, составляющих эту классификацию; в-третьих, наиболее существенной характеристикой истории повседневности является ее антропологизм, т. е. обращенность к человеку, отношение которого к миру проявляется и в источниках⁴. Это отношение (переживания, настроения, мысли, чувства и т. п.) характерно прежде всего для дневников, мемуаров, жалоб, писем и др., посредством которых только и обнажается скрытая система человеческих представлений⁵.

Объектом изучения в данном случае могут стать дневники, письма, заявления граждан в различные инстанции и т. п. Однако ситуация такова, что часть источников личного происхождения (дневники, мемуары) в силу своей малочисленности и распыленности в архивах является недоступной для исследования. Преодолеть эту ограниченность могут помочь жалобы и заявления граждан в различные инстанции, т. е. те документы, которые характеризуют взаимоотношения человека с властью.

Немаловажную роль играет письмо, «пренебрежительное отношение к которому резко снижает возможность изучения социальной истории, изучения человека, личности»⁶. В принципе, письмо в отдельности может и не представлять реального интереса для исследователя, но в совокупности дает возможность вскрыть характерные черты общественной мысли определенного времени⁷.

Необходимость компенсации информационной недостаточности письменных свидетельств неизбежно вызывает возрастание

45

роли иных видов источников — изобразительных и устных, которые наряду с письменными создают потенциальные возможности познания повседневности.

Из изобразительных источников обращают внимание фотографии. Если говорить о том, что такое фотография, то неизбежен вопрос о ее материальной субстанции. В источниковедении принципиально

различают две формы фотографии: как оригинал и как репродукция в книге, газете или ином издании. При этом, естественно, изменяется значение содержания фотографии. В первом случае это будет «чистое содержание», так сказать «вещь в себе», во втором — часть содержания другого, например письменного источника.

Такое понимание ориентирует историка-исследователя на выявления особенностей фотографии, которые она обретает через включение в общую систему источников. И поскольку объяснительный потенциал источников чаще всего раскрывается через их комплексное рассмотрение, роль фотографии исключительно важна для изучения повседневной жизни людей. При этом сильной стороной фотографии как свидетельства повседневности является ее эмоциональная окрашенность. Однако степень информативности о том или ином событии из повседневной жизни человека повысится при условии корреляции фотографии с иным источником.

В мировой исторической практике разрабатываются интерпретационные программы фотографии. Они жестко не акцентированы и сводятся, на первый взгляд, к банальным вопросам: как жили люди ранее? Как одевались, питались? Как отмечали праздники и относились к болезням и смерти? ⁸ Интерпретируя фотографию, исследователи сначала приступают к ее визуальному описанию, т. е. выявляют предметы, одежду и т. п. Далее оценивают тему или содержание фотографии. В этом случае могут возникнуть вопросы: где? когда? с кем? На последней ступени анализа возникает вопрос: с какой целью была сделана фотография?

В Германии сборником и систематизацией фотографий занимается Центр документации по истории повседневности и региональной истории (Dokumentationszentrum fuer Alltags-und Regionalgeschichte der Berliner Geschichtswerkstatt), который

специализируется на повседневной жизни немцев в период национал-социализма, в послевоенное время и на регионе Берлина⁹. В фотоархиве Центра собраны редчайшие снимки из обыденной жизни людей: частные (семейные) и производственные фотографии. Последние, по мнению апологета истории повседневности в ФРГ А. Людтке, хотя часто игнорируются, но наиболее адекватно отражают историю повседневности рабочего движения¹⁰.

В исторической науке активно используется метод «реконструирования» исторических источников. Его основу составляют так называемые устные опросы — формулировка вопросов и получение, по возможности, четких ответов на них. Если в советской науке устные опросы сводились лишь к сбору материала фольклорного характера (песен, легенд, былин и т. п.), а изучение повседневной жизни индивида не приветствовалось (личность представляла интерес в зависимости от принадлежности к классу), то в западных странах сложилось целое направление, именуемое устной историей (Oral History)¹¹.

Специфика устного источника состоит в том, что, с одной стороны, их сведения довольно сложно и наукоемко проверить на истинность¹², с другой — в них наибольшее значение имеет не столько фактологический материал, сколько оценочное суждение событий, которое и помогает выявить определенный дух эпохи¹³.

Огромный интерес для исследователей представляют устные свидетельства очевидцев, живших в эпоху тоталитаризма. В начале 80-х гг. группа немецких ученых под руководством Л. Ниетхаммера осуществила проект по изучению повседневной жизни людей Рурской области в период национал-социализма (LUSIR — ПРОЕКТ)¹⁴. В двухтомном издании собраны свидетельства из повседневности, раскрывающие отношение к нацистскому режиму и т. д.

Социальный мир объективных реальностей может быть представлен и в песнях, которые также становятся предметом исследования. Например, изучение повседневности ганноверского района Линдена (ФРГ) в 1983 г. было осуществлено в рамках проекта «Наша история — наши песни»¹⁵.

В целом же устные опросы представляют собой информационно емкий, специфический по внутренней и внешней форме

исторический источник, своеобразно отражающий действительность. Казалось бы, наличие огромного количества письменных источников, кино-, фото-, фонодокументов, развитие информационных технологий не оставляют устным источникам реальных перспектив. Однако они оригинальны, так как представляют собой запечатленные факты «из первых рук»; содержат не только фактологический, но и оценочный аспект, интересны в плане междисциплинарного исследования.

Вместе с тем необходимо учитывать, что роль, «устного источника» до сих пор в исторической науке не определена. Одним из проблемных является вопрос о том, как разграничить «устный источник» и фонодокумент.

Таким образом, статус источников по истории повседневности еще предстоит определить. Лишь с некоторой долей уверенности можно сказать, что они относительно достоверно воспроизводят жизненные пути представителей различных социальных слоев и групп. Если в источниках устной истории, дневниках и

мемуарах наибольший интерес представляют оценочные суждения авторов, то в документах иного рода (справках, сводках и т. п.) — фактологический материал.

Источники по истории повседневности позволяют не только приблизиться к жизненной практике индивида, его ментальности¹⁶, но и выступают своеобразным способом закрепления и воспроизводства социальной памяти, важнейшая проблема которой состоит в совмещении часто отличающихся друг от друга воспоминаний об одном и том же событии и различных моделей их интерпретации. Известный ученый А. Руссо в докладе на XIX Международном конгрессе исторических наук отмечал, что проблема памяти превратилась в ценность, соответствующую современному плюралистическому видению прошлого, что необходима разработка теоретических процедур, посредством которых можно было бы поставить изучение соотношения «память/история/идентичность» на научную основу¹⁷.

¹ Беленький И. Л. К анализу современного источниковедческого сознания // Мир источниковедения. М., 1994. С. 12.

² Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «Большая история»: иностранцы московского Электростанции в советском обществе в 1920—1930-х гг. М., 2000. С. 8.

³ Waibl G. Photographie und Geschichte // Fotogeschichte. 1986. № 6. Н. 21. S. 8.

⁴ Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. Проблемы источниковедения советской истории. М., 1994. С. 163.

⁵ Казаченок О. А. Исследование ментальностей: источниковедческий аспект // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання. Мінск 23—24 красавіка. Матэрыялы да навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 120-годдзю з дня нараджэння У. І. Пічэты. Мн., 1998. С. 87.

⁶ Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 641.

⁷ Ходзін С. М. Крыніцы гісторыі Беларусі (гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне). Мн., 1999. С. 158.

⁸ Berg R. Die Photographie als alltagsgeschichte Quelle // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte. Muenster, 1994. S. 193.

⁹ Bollow F., Mocker E. Archivierung biographischer Quellen im Dokumentationszentrum fuer Alltags- und Regionalgeschichte der Berliner Geschichtswerkstatt / Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte. S. 223.

¹⁰ Luedtke A. Industriebilder — Bilder der Industrie. Industrie — und Arbeiterphotographie vjn der Jahrhundertwende bis indie 1930er Jahre // Historische Antrhropologie. 1993. № 3. S. 394—430; Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998—1999. М., 1999. С. 90.

¹¹ См.: Oral Hystory. Muendlich erfragte Geschichte. Goettingen, 1990.

¹² Marsiske H.-A. Sowtware für Zeitmaschinen: Film und Computersimulation // Geschichte. Ein Grundkurs. Reinbek, 1998. S. 197.

¹³ Щеглова Т. К. Устная история и краеведческая работа // Преподавание истории в школе. 1998. № 5. С. 60.

¹⁴ Niethammer L. Die Jahre weiß man nicht, wo man die Leute hinsetzen soll. Faschismuserfahrung im Ruhrgebiet. 2 Bd. Bonn, 1983.

¹⁵ Oberheide E. Und unsere Fahn ist rot. Ein Freizeithem in Hannover erforscht die Geschichte des Arbeiterstadtteils Linden // Die andere Geschichte. Geschichte von unten, Spurensicherung, Oekologische Geschichte, Geschichtswerkstaetten. Koeln, 1986. S. 182.

¹⁶ Rösen J. Geschitskultur // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1999. № 5. S. 513.

¹⁷ Репина Л. П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИН) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2000. Вып. 3. С. 12.